

считают, что «в легальной литературе это был единственный рассказ иностранного писателя, которым семидесятники без переделки широко пользовались для пропаганды в народе»¹². Дело в том, что «Клод Гё» Виктора Гюго ставил перед русскими людьми те же вопросы («Кто виноват?» и «Что делать?»), которые решала тогда отечественная революционная мысль, причём рассказ Гюго давал на эти вопросы правильный, хотя и несколько абстрактный ответ: виноваты власть имущие, надо бороться с ними, не останавливаясь перед насилием.

Жандармские власти России 1870—1880-х годов регулярно включали романы, стихи, драмы, рассказы Гюго в списки «тенденциозных книг», «подлежащих уничтожению». Особенно опасным считался у них «Клод Гё», «как направленный к потрясению существующего порядка»¹³. Его запрещали специальными циркулярами Третьего отделения от 20 марта и 18 апреля 1875 г.¹⁴, изымали при обысках и арестах, инкриминировали подсудимым в процессе «193-х»¹⁵ (кстати, самом крупном из политических процессов в царской России с числом арестованных, как минимум, в 4 тыс. человек¹⁶). Впрочем, царские каратели запрещали и «Эрнани», и стихи из книги «Грозный год», и «Человека, который смеется»¹⁷, пытались если не запретить, то хотя бы обкорнать роман «Отверженные». Сам Александр II следил за тем, чтобы не появился в России полный, без цензурных изъятий перевод «Отверженных»¹⁸. Но никакие запреты не могли помешать распространению книг Гюго и воздействию их на русского читателя.

Гюго со своей стороны ненавидел царскую «империю вампира», клеймил самого царя как «тирана» и «палача народов»¹⁹ и глубоко сочувствовал русским революционерам, начиная с А. И. Герцена, которого он ценил, как никого из русских: «Мой доблестный брат... Я рукоплещу Вам и люблю Вас»²⁰. Правда, «красный» террор партии «Народная воля» Гюго тоже не одобрял. «Деспотизм и нигилизм, — писал он о единоборстве „Народной воли“ с царизмом, — представляют собой две чудовищные стороны одного и того же явления»²¹, т. е. две политические крайности, которые ведут «разнузданную войну зла против зла, поединок темных сил»²². Русским революционерам такое сближение их «нигилизма» с деспотизмом, конечно, не нравилось. Много лет спустя, в 1906 г., В. И. Засулич писала Г. В. Плеханову: «А Струве отвратителен. Подражает Виктору Гюго: Deux monstres se battent (два чудовища дерутся. — Н. Т.), а он, Струве, стоит посередине и обоих не одобряет»²³.

Однако Виктор Гюго в отличие от Петра Струве хотя и действительно не одобрял нараставшего в России ожесточения борьбы между реакцией и революцией, никогда не стоял между ними «посередине». Как в 1863 г., когда он, откликаясь на зов Герцена («Великий брат, на помощь! Скажите слово цивилизации»²⁴), осудил карательную политику царизма — это «чудовища, подавляющего без разбора всех»²⁵, так и в начале 80-х годов Гюго считал виновником социально-политического кризиса, сотрясавшего Россию, царизм с его «белым» террором. Именно поэтому он в последние годы жизни четырежды выступил в защиту русских революционеров (почти исключительно народовольцев) против царских карателей, как ранее, движимый теми же чувствами гуманизма, демократизма, социальной и национальной справедливости, защищал парижских коммунаров, ирландских фениев, повстанцев Крита, Италии, Польши, Сербии, Кубы, борца за свободу американских негров Джона Брауна.

Четыре выступления Гюго против попыток царизма расправиться с русскими революционерами должным образом еще не оценены. В биографиях Гюго, в очерках его жизни и творчества — и французских, и русских дореволюционных, и советских авторов, — как правило, эти выступления вообще не рассматриваются²⁶, а если и упоминаются (далеко не всегда), то лишь некоторые из них, выборочно²⁷. Даже в обстоятельном исследовании М. П. Алексеева²⁸ не упомянуто выступление писателя в защиту П. А. Кропоткина. Между тем все эти выступления, каждое